
Александр Романов

Прозрачная жизнь

Рассказы

Пробуждение Виктора Головина

Дерево стояло на прежнем месте. Оно не исчезло, не вернулось обратно в лес, голые ветви его как-то по-особому шелестели, ствол то расширялся, то вновь сужался, и казалось, что оно дышит.

Виктор потрогал дерево рукой. Шершавая, чуть влажная поверхность дрогнула.

Виктор отдернул руку.

Огляделся.

По бокам от него в полутьме виднелся забор, позади чернел прямоугольниками окон его двухэтажный дом.

«Какого дьявола этому дереву надо, — подумал он. — Может, я сплю?»

Он прислонился щекой к коре.

Надавил.

Твердая.

Больно.

Отступил назад. Пошел вдоль забора, щупая его руками.

Щели не было. Ни щели, ни дыры.

— Как же ты сюда пролезло? — пробормотал он. Бред какой-то. Дерево. На его участке. Третью ночь подряд появляется, а утром исчезает. Откуда берется — неизвестно. Виктор с хрустом почесал заросший щетиной подбородок.

Может, это из-за нее?

Из-за кого? Из-за Маши. При чем тут Маша?

Как это — при чем?

Ну, он же бросил ее. Одну. С ребенком. С его, между прочим, ребенком. И она прислала к нему дерево? Пошла в лес и попросила его сходить к нему. И намекнуть. Оно прошло через поле, перелезло через забор... — Виктор представил, как оно перелезает, пересекает участок и замирает у него под окнами.

Чушь какая-то.

Маша не могла.

Романов Александр Владимирович родился в Волгограде в 1977 году. Закончил Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет в 2000 г. Архитектор. Печатался в журналах «Юный техник», «Уральский следопыт», «Машины и механизмы».

Живет в Волгограде. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Тогда кто?

Оля? Она тоже попросила? А когда это было? С Олей? Это же сто лет назад было. Что же она столько времени ждала? Она не такая. Она бы ждать не стала.

Как она тогда орала!

Виктор вспомнил, как Оля в чем мать родила вылезла на балкон и, высокая, статная, раскачиваясь так, что большая грудь шлепала по животу, кричала ему вслед, какой он негодяй. Из окон высовывались люди и смотрели то на нее, то на него. Виктор шагал по дороге, стремясь побыстрее уйти, вслед ему летели обидные вязкие фразы и прилипали к плечам, спине, лицу, ему казалось, что все вокруг видит их, цокают зубами и осуждающе качают головами.

Он вздохнул.

Что-то ведь наверняка было. Такое, за что ему теперь все это. А почему именно за что-то? Ну, ясно, что не просто так. Просто так дерево бы через забор не полезло.

Он подошел к ограждению и попробовал дотянуться до верха.

Не смог. Высоко.

Вошел в дом, поднялся на второй этаж, разделся и лег.

Подумал: может, все-таки это пришло оттуда?..

...Там был высокий обрыв, была девочка с обсыпанным веснушками лицом, с оттопыренными ушами, была его рука, вцепившаяся в куст, и ее задравшееся платье.

«Я ведь извинился, — подумал Виктор. — За нашу дурацкую шутку, и вообще. Я же вернулся. За ней». Никто ведь больше не пошел. Ни Вадик, который все это придумал, ни близнецы, преградившие ей дорогу. Ни Славка, скучным голосом объяснивший ей, что назад теперь дороги нет и вернуться в город она может только по обрыву. Вдоль прилегающих к самой кромке плотных, как веник, кустов, по узенькой, шириной в две ладони, полоске. Они все потом развернулись и пошли по домам.

Все, кроме Виктора.

Он вспомнил, как отстал тогда от ребят и кинулся обратно. Как продирался через кусты, падал, как полз вдоль кромки, глядя вниз и боясь увидеть распростертое там тело в платье с оранжевыми цветами.

Девушка почти добралась до конца. Осталось каких-то пару метров. Виктор так обрадовался, когда увидел ее, висящую над обрывом, что чуть сам не свалился вниз.

Потом они сидели за кустами, он смотрел на ее голые ободранные коленки, покрытые веснушками плечи и белесые ресницы.

Он извинился. Она сказала, что это ничего. И она понимает. А еще сказала спасибо за то, что он вернулся.

Виктор проводил ее домой. На следующий день она пришла в его класс, и Марина Петровна сказала, что это новенькая, зовут Юля, и она будет с ними учиться.

На перемене Славка сказал, что он им подходить к ней запрещает. Виктор покивал вместе со всеми головой, и после уроков пошел провожать Юльку домой.

А вечером он стоял в закутке за гаражами, напротив Славки с бешеными круглыми глазами, по подбородку текло горячее, и он едва успевал закрываться от сыплющихся на него ударов. Он падал, вставал, снова падал, и так до тех пор, пока не нащупал рукой твердое и круглое — это оказался обрезок трубы — и вслепую не махнул им в сторону.

Удары прекратились. Славка упал.

Потом было скучливое лицо участкового, Славка с перевязанным лицом, спустя какое-то время Славка был уже без повязки, и вместо одного глаза у него было что-то сизое, противное и блестящее.

Виктор провожал Юльку каждый день.

Встречал каждое утро.

Однажды ее родители под Новый год ушли в гости на всю ночь, и Юлька привела его за руку в их спальню. Он помнил, как она тянула к кровати, а он мотал головой и твердил испуганно: «Не надо».

Утром за окном кружились огромные белые хлопья, на его голом плече лежала Юлькина голова, она гладила его по животу и говорила о том, какой он хороший, как она его любит, и они обязательно поженятся. Вот будет им восемнадцать — а этого ждать всего каких-то три года — и они сразу поженятся.

Потом она залетела. Он помнил, как кричала ее мать, как плакала его мать, как стучал стаканом в кухне по столу отец, хрустел огурцом и приговаривал: «Сморчки сопливые!»

Дальше было еще хуже, и из всего он запомнил только Юлькины красные глаза, её раскрытую ладонь, распахнутый в крике рот и оранжевое с красными пятнами платье внизу под обрывом.

«Я же не виноват, — подумал он. — Я так хотел ее поймать; я ведь ее почти поймал». Он вспомнил, как успел дотронуться до ее пальцев, потом куст, за который он держался, не выдержал, Виктор сверзился вслед за Юлькой вниз и тут же повис, зацепившись штанами за торчащий корень.

Их так и нашли. Утром.

Висящего над обрывом Виктора и лежащую прямо под ним, полсотней метров ниже, Юльку.

«Я же извинился», — подумал он...

...Виктор открыл глаза. В спальне было светло. Солнце проникало через щели в шторах и гуляло по комнате, оставляя на стене белые кляксы.

Он встал. Сдвинул жалюзи. Деревя не было. Лужайка перед домом белела от выпавшего снега. Забор был цел. Он подумал было спуститься во двор и внимательно посмотреть на него при свете дня, потом плюнул и отправился в кабинет.

Сел за стоявший на столе ноутбук.

Сказал себе: надо писать.

Желания у него не было.

Давно уже не было.

Сериал этот... Какая там серия?

Он посмотрел название файла.

Сто восемнадцатая.

Ну надо же. Виктор почувствовал некое подобие гордости.

За какие-то два года отсняли больше сотни серий. Которые смотрит вся страна. По его сценарию. Это вам не любовные писульки. Настоящее кино. Про настоящих бойцов. Бесстрашных и беспощадных.

Что же там должно быть дальше?

Он посмотрел на потолок.

Решил: пришло время героических подвигов. Пора.

Невыполнение приказа ради спасения человеческих жизней?..

Да!

Сева в самолете, игнорирует приказ о спасении пресловутого черного ящика, вместо этого подбирает плавающих в ледяной океанской воде людей.

«К черту этих бюрократов, — рычит он. — К дьяволу этих бесстыжих штабных крыс».

Да, Сева такой. Он готов выполнить любой приказ, но он не может бросить людей.

Вот.

Отлично.

Виктор потер покрытую щетиной щеку.

И в конце обязательно трибунал. И скупая мужская слеза. И верный, но преданный всеми начальник.

Батя.

Виктор дернул носом.

Представил рыдающих у экрана женщин. Прячущих глаза мужчин.

А в финальной сцене обязательно памятник. Расстрелянному за невыполнение приказа герою.

Он постучал пальцем по столу.

Ничего, в следующей серии воскресим. Первый раз, что ли.

Виктор начал работать. Сначала через силу, потом стало легче — слова сами собой складывались в предложения, герои говорили то, что должны были сказать.

К вечеру сценарий сто восемнадцатой серии был готов.

Он отправил его продюсерам. Потянулся.

Спустился в кухню. Посмотрел на заваленный засохшими объедками стол. Подумал, что надо бы прибраться, повернулся и замер.

За окном, покачивая ветвями, стояло дерево.

Виктор сглотнул. Налил из высокой бутылки, выпил...

— ...Ну, чего ты хочешь? Чего тебе надо? — бубнил Виктор, стоя на четвереньках и упершись лбом в ствол.

Ствол вздохнул.

Виктор сел, выпрямился и вылил остаток из бутылки в рот.

«Этого не может быть», — подумал он. Как там говорила Юлька? Превратишься в дерево? Если предашь меня, станешь деревом? Или: если станешь писать за деньги, дерево придет за тобой?

Он поежился.

Это же просто страшилка. Детская поговорка.

Я же не превратился после того, как меня сняли с обрыва. И никакое дерево ко мне не пришло. А ведь я не хотел. Ребенка не хотел. Страшно мне было. А вот она хотела. Потому и пошла на этот обрыв. Чтобы доказать. Чтобы все испугались.

Доказала.

Испугались.

Особенно я. До сих пор вон испуганный. Сорок с лишним лет и женат ни разу не был. Значит, получилось у нее испугать?..

Он взял бутылку за горлышко и постучал по дереву.

Ствол зашевелился.

Вдохнул-выдохнул.

— Может, ты считаешь, — спросил Виктор у дерева, — что я плохой писатель?

Икнул. Выпустил изо рта пар.

— Да я знаю, какой?.. Да у меня знаешь, сколько уже сценариев? Второй сериал уже снимают. Да я в лонг-лист, знаешь, сколько раз попадал? И в шорт-листы?..

Ему показалось, что дерево что-то сказала.

Писать настоящие книги? Про настоящую, например, любовь? Это ведь так нравилось Юльке?

Да это же детский лепет. Я писал эту ерунду тогда только для нее.

— Не. Для. Те-бя, — отдельно и с выражением сказал он, колотя бутылкой по стволу.

Что? Лежит в столе?

Лежит. Да. В столе. В моем.

Зачем храню? Из-за нее.

Люблю? До сих пор?

Не твое собачье дело! Или как там правильно?.. Не для твоих опилок воз!

Он лег на спину. Небо было чистым, темно-синим, на нем белыми точками начинали проступать звезды.

Дерево заскрипело.

Что значит — мне не нравится писать сценарии? — продолжил Виктор диалог. Работа у меня такая — писать сценарии.

Почему сценарии?

Хорошо платят. Понятно?

Мешает?

Чему мешает? Мешает написать что-то стоящее? Ничего подобного. Захочу и напишу. Это как со сценариями. То же самое. Хочу — пишу. Не хочу... Тоже пишу.

Еще пью. Да. Имею право.

Кем дано право?

А должно быть кем-то дано? Мною дано. Мне самому. Я так хочу. Да. Пить и писать. Ну, пишу-то я, положим, давно уже через не хочу. Зато пью с удовольствием. Должно быть у меня в жизни хоть какое-то удовольствие?

Было другое?

Было. Давно.

Он вдруг вспомнил Юлькины глаза, рыжую челку на конопатом лбу, рыжие кисти на ее рыжей голой груди. Как она сидит и смотрит на то, как он, сжимая зубы и крича, выводит последние строчки первого своего сочинения. Для нее. Как же она тогда его отвлекала! Своими длинными голыми, торчащими из-под простыни ногами, своим взглядом и оттопыренными ушами. А думала, что вдохновляет.

Или и правда вдохновляла?..

Это и было счастье?

Да.

А куда же оно потом делось?

Ушло вместе с Юлькой.

А другие женщины? Почему с ними было не так? У них не было оттопыренных ушей и покрытых рыжими пятнами коленок?

Чего у нее было такого, чего не было у них? Они не хотели сидеть и смотреть на то, как он работает? Отвлекать его, тормошить, прыгать голышом по кровати в надежде, что он поднимет голову от тетради и посмотрит? Они вообще хоть что-нибудь хотели? Умели? Хотеть? Хотеть не то, что у него в карманах. Или между ног. А например, сидеть и смотреть. Это же просто. Или нет? Это так сложно, что дается не всем? Юльке далось, а остальным нет? У не дожившей до шестнадцатилетия каких-то два месяца девчонки было то, чего нет у всех этих кричащих, вечно чего-то требующих баб?

Виктор застонал.

Перевернулся набок. Ткнулся носом в снег.

— Подите вы все к черту! — неожиданно для себя заорал он. Услышал, как за забором шушукуются соседи. Думают, небось, что опять нажрался, злорадно подумал он. И нажрался. А что? Захотел и нажрался. Поработал и вот...

Дерево вдруг качнулось в его сторону.

Сверху опустилась ветка и подцепила его за ногу.

Виктор ойкнул и вырвался. Вскочил на ноги.

Дерево задвигалось, ствол каким-то образом оказался позади Виктора. Тот отпрыгнул. Ствол снова приблизился. Виктор сделал шаг, другой. Дерево ускорило и погнало Виктора к дому.

Он вбежал в прихожую. Посреди нее, прямо из пола, уже торчал покрытый корой ствол. Виктор взвизгнул и попытался его обойти. Ударился о тумбу, потерял равновесие, тут же в лоб его влетело твердое, из глаз посыпались искры, и он оказался на полу. Сверху уже надвигалась тень, он, не задумываясь, перекатился в сторону, и в то место, где он только что лежал, с чмоканьем, словно это был не твердый пол, а влажная глина, воткнулась толстая ветка.

Каким-то чудом ему удалось встать и взбежать по лестнице на второй этаж.

Он влетел в кабинет. Телефона на привычном месте не было. Ноутбука тоже. Стол исчез, остались только полки с книгами. За окном промелькнула тень, створки вдруг распахнулись, и сквозь подоконник, стену, сквозь книжный шкаф, с треском, как будто это были сухие кусты, проломилось дерево. Оно уменьшилось, стало почти с Виктора ростом. Ветки его были растопырены в стороны, словно руки. Оно пошевелило ими в воздухе и двинулось на него.

— А вот я сейчас принесу топор!.. — истерично заорал Виктор. — И к чертовой матери тебя!..

Он махнул руками, изображая, как он это сделает, тут же поскользнулся и упал. В голове словно лопнул стеклянный шар, наполненный ледяной водой, капли разлетелись по телу, впиваясь в кожу, в глазах потемнело, и он почувствовал, что проваливается вниз. Сквозь ковер, через пол, через первый этаж и там опять через пол, в землю, и еще ниже...

...Пришел в себя он сидящим в своем кресле. Перед ним на столе стоял ноутбук. На экране горела, сменяясь, надпись: «Сто восемнадцатая серия», потом: «Виктор — гениальный писатель».

Опять: «Сто восемнадцатая серия».

Затем: «Он по праву лучший из лучших».

Виктор протянул руку. Ноутбук вдруг оказался дальше, чем он думал. Виктор пододвинулся и снова потянулся к компьютеру. Тот стоял прямо перед ним и в то же время был как будто в другой комнате.

Виктор почувствовал вдруг непреодолимую тягу творить. В пальцах появился приятный зуд, которого не было уже черт знает сколько времени. Он зарычал и рванулся к клавиатуре. Руки ухватили воздух и бестолково шлепнули по столу.

Виктор чуть не заплакал. Он хорошо знал это свое состояние. Нельзя было терять ни минуты, всё, что выходило у него в такие моменты, было малопонятным бредом, из которого он потом умудрялся извлекать сумасшедшие идеи, от которых стягивало живот, странные словосочетания, из которых рождались потом целые серии рассказов.

Ждать было никак нельзя.

Он выдвинул ящик стола, выдернул из него какую-то старую тетрадь, открыл первую страницу, увидел, что она заполнена, пролистал дальше, примерно до половины — страницы были исписаны неряшливым почерком. Он перевернул тетрадь обратной стороной. Последний лист был пуст. Он схватил карандаш и начал писать...

...Топор Виктор все-таки нашел. В кладовке рядом со спальней.

Достал его из кучи хлама и приложил к шее.

— Надо, — сказал он себе. Иначе, если припадок повторится, неизвестно что я тут понатворю. Деревья у меня по дому бегают, под землю затягивают и писать заставляют.

Карандашом в тетради.

Бред. Допился.

«Не получится», — с тоской подумал он, примеряясь, как бы поудачнее нанести удар.

Я даже такой малости не могу сделать.

Вот денег заработать и дом купить в деревне — это запросто. Бабе ребенка сделать — легко. Сбежать от десятка других? Как дважды-два. А вот башку себе отрубить не могу. Начинаю сразу думать про плечо, крутящий момент, длину ручки относительно длины руки. Инженер. Хрен с горы.

Надо вот так вот, как они все, как все эти... как их... которые вокруг. Не думая, сразу — бах! И все получится. Нет, мне обязательно надо сесть и все взвесить. Продумать последствия. Обдумать возможные варианты решений.

А чтобы вот так вот запросто...

Внизу запиликал звонок калитки.

А, чтоб тебя!

Не открою. Пошли вы все. Опять, небось, соседи. Пришли звать на барбекю. Козлы. Жертвы общества потребителей. Обычную пьянку «барбекю» называют. Сказали, хотя бы — на шашлык. Нет, надо обязательно переиначить. На импортный манер.

Он швырнул топор на пол, спустился в прихожую и, не одеваясь, вышел в темный двор.

— Барбекю, — сказал он вслух, пробуя слов на вкус, подумал и добавил еще громче, старательно двигая губами: — Хеллоуин.

В калитку постучали. Громко. Явно ногой.

Виктор пересек двор и открыл дверь.

Там было темно и кто-то стоял. Виктор стал шлепать по стене в поисках выключателя.

— Я не люблю барбекю, — услышал он вдруг голос. Голос был чуть хриплый и явно женский. — И все эти хеллоуины тоже. Терпеть не могу.

Он попал, наконец, по выключателю. Зажегся свет.

Перед ним стояла девушка. Одета она была, несмотря на время года, легко. Виктор увидел голые ноги, голые плечи и руки. Волосы ее были темно-рыжими, и везде — по плечам, по ногам, по лицу и шее, по виднеющейся между майкой и шортами полоске живота — были рассыпаны маленькие ярко-оранжевые точки.

Виктор обалдело уставился на нее, забыв про топор и шею, и вроде бы даже протрезвел.

— Вам кого? — сглотнув, спросил он.

— Мне писателя Головина, пожалуйста, — сказала девушка.

— Эт-то я, — икнув, признался Виктор.

— Вам про меня ничего не говорили? — спросила она.

Виктор попробовал вспомнить. Брошенный где-то в доме и давно молчащий телефон, мерцающий экран ноутбука, пустой почтовый ящик.

— Э-э... — неуверенно протянул он и посмотрел на ее тонкие ноги. Подумал: как ей не холодно?

— Я буду у вас жить, — заявила она.

— П-пожалуйста, — промямлил он, изучая ее красивые плечи.

— Ночью, — сказала девушка.

— Почему ночью?

— Потому что не днем.

— А-а, — понимающе протянул Виктор.

Сглотнул.

— А днем? — на всякий случай спросил он.

— А днем вы будете работать. Или спать. Разве нет?

Он подумал, что с этим, пожалуй, не поспоришь.

Она протиснулась мимо него, оставив у двери пару больших блестящих чемоданов. Виктор взял их и потопал в дом, вспоминая по дороге, сколько и в каких местах он оставил носки, где он последний раз бросил трусы, и вообще, когда он последний раз их менял. Вроде бы, когда приходила домработница. Перед тем как он ее выгнал. Когда же это было? До снега. Кажется.

Виктор зашел в дом вслед за гостьей и поставил чемоданы на пол.

Девушка встала к нему спиной.

— А вы, собственно, откуда? — запоздало поинтересовался он.

— Оттуда, — с легким удивлением сказала она, разглядывая обстановку. — Вам и этого не сказали?

— Нет.

— Я могу уйти, — предложила она.

— Нет, — испугался вдруг Виктор. Он не мог оторвать взгляд от ее полуоткрытой спины, тонкой шеи и ямочек под коленками — всё это стремительно покрывалось мурашками.

— А где вы меня положите? — спросила девушка и тут же поправилась. — Впрочем, о чем это я? Спать нам все равно не придется.

От двусмысленности слов, от спокойного тона, с которым это было сказано, от ее нежной, покрытой легким пухом поясницы Виктора бросило в жар, зачесались корни волос, задрожали руки.

— А что мы будем есть? — спросила она. Наконец повернулась.

Есть у нас нечего, сообразил Виктор, еще больше сбитый с толку тем, как она это произнесла. Как будто спросила о том, какие трусики ей лучше одеть.

«Это у меня бабы просто давно не было», — подумал он. Вот и мерещится всякое.

Девушка взяла его за руку, другой рукой, не глядя, подхватила чемодан и потащила их обоих на кухню. Откуда она знала, что кухня находится именно там, Виктор подумать не успел, они как-то сразу оказались на месте, гостья грохнула чемодан на тумбу, открыла его и принялась доставать оттуда вкусно пахнущие свертки, разноцветные пакеты и банки.

Виктор не успел прийти в себя, как уже оказался сидящим на табуретке, в руке его появилась ложка, в другой — открытая банка с икрой. Девушка села напротив, на тумбу. Ее голые ноги блестели, и от них в разные стороны рассыпались снопы искр. Виктор подумал, что они похожи на облепленные квадратиками зеркал шары, какие вешали на их школьной дискотеке.

Девушка сказала, что зовут ее Вика, что она обожает писателей и терпеть не может писак. Еще она не любит поэтов, потому что стихи — для детей и озабоченных поисками кавалеров девиц.

А она не такая. Она девушка приличная и сюда приехала работать, а не за кавалерами. И вот сейчас, раз уж они заговорили об этом, она сразу хочет ему сказать, чтобы он губу не раскатывал. И планов не строил. На ноги ее пялиться — пожалуйста, она за этим и приехала. На грудь — сколько угодно. Если нужно для дела, она даже готова снять шорты и показать ему попу. Но только один раз и только в крайнем случае. Никаких рук. Или, не дай бог, губ.

Виктор обалдело жевал, кивал головой и со всем соглашался. Он решил, что спит и все это ему снится, он даже периодически демонстративно и больно щипал себя за шею. Ничего не происходило. Они продолжали сидеть на кухне, Вика болтала, он жевал, открывались банки, разворачивались свертки. Пустые обертки летели обратно в распахнутый чемодан.

Вика переменила ноги и сказала, что щипать ее тоже не нужно. Она этого не любит. Кожа у нее, мол, нежная, сразу пятнами покрывается.

Она легонько ущипнула себя за плечо.

Виктор посмотрел, как на нем появляется дорожка из красных, похожих на кляксы, пятен. Ему вдруг до слез стало жалко эту руку, эту кожу, Вику и даже себя.

Он схватил крайнюю банку, свернул крышку и, пряча лицо, воткнул туда ложку...

...Потом Вика сказала:

— Пойдем.

Облизала пальцы, взяла Виктора за руку и потащила в кабинет. Там она усадила его в кресло, а сама принялась скидывать одежду, спрятавшись за дверцей шкафа.

Завернулась в простыню, села на кровать и велела ему работать.

Виктор попытался сосредоточиться, вертя в пальцах карандаш.

Она принялась хихикать.

Кашлять, хлопать в ладоши, класть ноги на стол. В общем, стала вести себя не очень. Вызывающе, надо сказать. Он смотрел то на нее, то на чистый лист бумаги в клеточку и думал, что ярко-желтый карандаш на фоне листа выглядит так же, как ее рыжая рука на фоне простыни. Или нога. Они такие же яркие и их невозможно поймать.

И он ронял этот карандаш, мял листы, представляя, что это не листы, а простыня и он срывает ее с Вики, мнет и швыряет в угол. Потом набрасывается на нее, и она с готовностью раскидывает ноги в стороны и хихикает и кашляет уже прямо ему в ухо.

Затем он случайно посмотрел в окно и увидел знакомый разлапистый силуэт. Чуть было не спросил Вики — видит ли и она его? Потом представил, что она скажет ему, если там на самом деле ничего нет, и спрашивать передумал.

— Ты когда будешь работать? — спросила наконец она.

Виктор промолчал.

— Меня зачем прислали, а?

— Чтобы работать? — попробовал угадать он.

Она вскочила с постели, запахнула простыню и прошлепала к нему. Заглянула через плечо. Покряхтела.

— Ладно, — вздохнула она, — так уж и быть.

Обошла стол, дождалась, пока он посмотрит на нее, и оголила грудь. Виктор замер. В горле его запершило, живот как будто стянуло тисками. Грудь у нее оказалась идеально круглой, с аккуратным светлым соском, под его взглядом она покрылась мурашками, сосок увеличился и потянулся вверх, словно росток к солнцу.

Она запахнулась.

Вернулась в кровать.

Виктор, чувствуя, как бухают в ушах молоты, как внутри него появляется нечто, это нечто растет, распирая его изнутри, дрожащими руками схватил карандаш и принялся писать. Строчки получались неровными, буквы плясали и прыгали.

От нажима сломался грифель, он схватил другой карандаш.

Неужели только так? Полетели мысли. Неужели я по-другому не могу? Не умею? И меня надо вот так вот вдохновлять? И почему именно голой грудью? Это что же, я ничего другого в женщине не вижу? Обязательно сиська? Вот показали мне ее, и полезло из меня, словно из тюбика с зубной пастой, на которую этой сиськой надавили. А если бы она показала чего-нибудь другое? Потяжелее?

С тем, что потяжелее, я сейчас, пожалуй, не справлюсь.

И получается, что ничем другим меня больше с места не сдвинешь?

А просто поговорить? О прозе, об интерьерах, о картинах? О погоде, в конце концов? Сразу оголяться?

«Приучены мы уже ко всему, избалованы, и без хорошего стимула я уже не могу», — подумал он. И никто, наверное, не может. Привыкли мы ко всему. И ничем нас не удивишь, ни искусством, ни, тем более, погодой. Натюрморт на картине? Да видали мы такое уже тысячу раз. Вот если бы там была изображена женская задница, тогда да, тогда бы мы остановились, чтобы посмотреть. На минуту. Ну, это опять же смотря с какой стороны посмотреть. На задницу. Вот если бы это был вид изнутри...

«А кто бы тогда знал, что это вид изнутри?» — сбился вдруг он.

Представил.

Свет в конце тоннеля. В конце длинного, наверняка дурно пахнущего тоннеля. Вот если подписать. Огромными светящимися буквами на белом фоне.

А что же тогда нам нужно? Им — нужно. Чем же тогда вас привлечь? Что вам интересно? Точнее нет, не так, сузим диапазон — что *мне* интересно?

Вот сидит она сейчас передо мной. Красивая, чистая, думает, небось, о том, что показала только что мне грудь. Еще, наверное, гордится собой. Вот я, мол, какая

смелая. Премию мне теперь выпишут. Те, кто отправили сюда. А вот я в другой раз ему чего другое покажу, он вообще в обморок упадет. От неожиданности. А за обморок мне двойная премия положена. И отгул. Два. Неделя отгулов.

Тьфу ты, гадость какая в башку лезет.

Он почесал карандашом шею.

Так чего все-таки мне надо?

Сериалы сочинять? Сценарии к блокбастерам? Может, натюрморты писать? Или задницы? Вид изнутри?

Он представил, как пытается развернуть модель к себе таким образом, чтобы получить этот самый вид. Изнутри. Там наверняка приспособления разные понадобятся, трубки с видеокамерами. Может ей, модели, глотать чего придется.

Он оторвался от текста и посмотрел на Вику. Согласится вот такая, как она, глотать трубку ради такого, как он?

Если только за премию.

А за просто так? За любовь к искусству?

А он бы согласился? За нее?

Он бы, пожалуй, да. Он бы вообще на все ради нее согласился.

Чего это ты вдруг? — одернул он себя. Старый хрен. Увидел смазливую девочку и на тебе — наострился на подвиги. Трубки глотать да задницу демонстрировать. Вид изнутри.

А как конопушки у нее разглядел, так вообще встал в стойку. Залип. Завис.

Может, влюбился? Он опять посмотрел на девчущку. Симпатичная. Свежая, изнутри вся как будто светится, глазищи как два прожектора. И движения как у бабочки. Нет, как у кошки. Такие же резкие, иногда пугливые, легкие. И сама такая же. Как будто вот-вот сорвется с места и побежит. Перепрыгнет через стол, через кровать, подоконник и даже через это чертово дерево.

Он послонявил карандаш.

Откуда оно все-таки взялось? Дерево это. И Вика. А если ее все-таки спросить? Нет уж. Вдруг уйдет? Обидится и уйдет. Вот так вот сиганет через меня, в окно, и все...

Не хочу, чтобы уходила.

Пусть вон дерево уходит. Оно страшное, оно меня поймало и под землю утащило. Работать заставило.

Это когда такое было? Это со мной, что ли, такое было?

Я с топором из кладовки прибежал, оно как его увидело, сразу в окно и вылезло. Или нет?

А даже если и так. Какая разница?

Он оторвался от страницы и покосился на Вику. Она сидела, поджав ноги и положив подбородок на колени. Глаза ее блестели, губы подрагивали, смотрела она не в лицо Виктору, а куда-то в шею. Он подумал, что она сейчас совсем как его Юлька. Сделала дело и теперь отдыхает. Сейчас посидит, а потом начнет складывать ноги на стол, шевелить пальцами с красными ногтями, будет совать ему в нос свои желтые шершавые пятки. Он будет кусать ее подошвы, тыкать в них карандашом и ругаться. Потом она скинет покрывало и залезет голая на стол. Будет прыгать по нему взад-вперед, изображая лягушку, он будет лупить ее свернутой тетрадью, как надоевшую муху, до тех пор пока спина ее не покроется красными пятнами.

Так все и случилось.

Сначала он краем глаза увидел, как Вика вдруг переменяла позу. Потом под носом у него появилась длинная узкая ступня. Он принялся тыкать ее карандашом, пытаясь спихнуть, едва при этом успевая записывать прилетающие словно из ниоткуда мысли. Потом Вика скинула простыню. Виктор почувствовал, как у него налился горячим и потяжелел низ живота, пробормотал: «Нас так просто не возьмешь!», — и: «Черта с два я сдамся!». Она принялась прыгать перед ним по широченному столу,

цепляя ногами, руками, задевая волосами, а он строчил, не обращая внимания на знаки препинания, на ошибки, оборванные слова и дрожащие руки.

Бить свернутой тетрадью он ее не стал. Малоознакомая женщина все-таки. Ну и что, что голая, ну и что, что скачет по его столу. Неудобно как-то. Вот так вот сразу — и тетрадью.

Наступило утро.

Он потянулся. Попробовал пальцами толщину исписанных листов. Совсем как в молодости. Ну напластал! Орел! Теперь бы это все еще и переписать. Сразу и начисто.

«О чем это все?» — попытался вспомнить он. Черт его знает. Но получалось неплохо. Он точно это знал. Не могло быть плохо. Она так хорошо прыгала, и пятки у нее были совсем как у Юльки. И грудь красивая. Зря она, что ли, ее показывала?

Он зевнул. Глаза слипались.

Вика прыгнула со стола и легла, завернувшись в покрывало.

Он выбрался из кресла, хотел было упасть рядом с ней, потом махнул рукой и уковылял в спальню...

...Виктор открыл глаза. Перед ним был белый потолок со знакомой трещиной справа. За окном был день.

Он пошевелился. Сел на кровати и посмотрел на себя в зеркало. Выглядел он так, словно его катали по земле вместе с бревнами. Весь в опилках, в пыли, на рубашке и штанах древесная смола.

Он пощупал себя. Ничего не болело, ребра вроде бы целы.

Тут он вспомнил про Вику, встал и вышел из спальни.

В кабинете было пусто. В коридоре одиноким зеркальным ящиком стоял знакомый чемодан. На кухне стоял второй. Он был раскрыт, в нем вперемешку валялись кульки, пустые банки и разноцветные обертки. Пахло копченой колбасой, душистым хлебом и почему-то пивом.

Виктор огляделся. Сверкающая чистотой раковина, блестящая плита, белоснежные, будто из мелованой бумаги, занавески. И за прозрачным, почти невидимым стеклом виднелся корявый силуэт замершего прямо напротив входной двери дерева...

...Виктор работал.

Он уже не думал о том, откуда взялась Вика, не думал про закрывшее выход дерево, про ускользающий от него ноутбук — его он вообще накрыл тряпкой, после чего тот стал осязаемым и позволил задвинуть себя в угол стола.

Вика была тут же. То на кровати, то прямо на столе. Прикрываться она вскоре совсем перестала. Виктор краем глаза видел, что она ходит около него нагишом, каждый раз при этом его окатывало теплой сладкой волной, которая проходила через все тело и оседала где-то в паху. Там она потом долго тлела, постепенно остывая, потом он снова поднимал голову, смотрел на Вику, и повторялось все сначала.

Вскоре он стал звать ее Юлькой. Она не обижалась и с охотой отзывалась на данное ей имя. Юлька приносила ему еду, бегала за водой, разминала его затекшие плечи, а потом просто лежала или совала ему под нос желтые пятки, или изображала жабу, а он строчил страницу за страницей, не в силах остановиться.

Спал он днем. Выходил из кабинета, спускался к входу, некоторое время стоял и смотрел на подпирающее крыльцо дерево, потом снова поднимался вверх, смотрел на спящую Вику-Юльку и шел спать. Что она делала днем, он не знал. И куда девалась, не спрашивал. Он вообще ее ни о чем не спрашивал. Ему достаточно было того, что она здесь, с ним; он пытался представить, как это будет — без нее, и что будет с ним, когда она уйдет, внутри все сжималось, начинали трястись пальцы и слабели колени.

Через три недели он закончил. Нужно было садиться вычитывать. Он некстати

вспомнил про заброшенный сценарий, шагнул было в сторону ноутбука, увидел в отражении зеркальных дверок шкафа Юлькин укоризненный взгляд, вздохнул, сел в кресло, достал чистую тетрадь и принялся переписывать набело.

Еще через три недели он закончил чистовик.

Взял тетрадь в руки.

Подумал: тяжелая.

Много. Целый роман. Роман ни о чем. Такое, пожалуй, нигде не примут. Кому будет интересен бред человека, написавшего про дерево, про единственную в его жизни настоящую любовь, про прыгающую по столу девицу и топор в кладовке?

Ну и что. Ну и пусть. Зато настоящее. Всё настоящее. Не то что эти не выполнившие очередной приказ военные и двести серий мыльных пузырей с отражающимися в них упитанными лицами продюсеров.

Пошли они все. Написался. Хватит. Пускай ищут кого-нибудь другого.

Он бросил рукопись на кровать. Вика лениво повела ногой. Она была голая. Виктор ощутил знакомый приятный укол в низу живота.

Сглотнул. Прокашлялся.

— Печатай, — велел он ей, указывая на накрытый тряпкой компьютер.

— Я? — возмутилась Юлька

— А кто? У меня нет доступа.

— Ладно, — сказала она.

Встала и, покачивая по-мальчишески тощими бедрами, прошагала в угол, достала ноутбук и поставила перед Виктором...

...Через две недели он отправил рукопись в издательство.

В то утро, когда Юлька уже легла в кровать, он спустился вниз, подошел к наружной двери и замер.

Дерева не было.

Виктор почему-то не удивился.

Двор был завален снегом. Он подумал было выйти наружу, даже оделся, потом лег на пол и закрыл глаза.

Когда он проснулся, был уже вечер.

Из коридора исчез стоявший там чемодан, Юльки нигде не было, на кухне было чисто. Виктор подумал, что, оказывается, очень к ней привык, что вот именно сейчас она должна выйти из ванной и, кутаясь в простыню, подняться по лестнице в кабинет. Он поднимется за ней, разглядывая ровные ее гладкие ноги, потом сядет в кресло и привычно схватится за карандаш. Никто ниоткуда не вышел и никуда подниматься не стал.

Виктор вяло и без аппетита поел. Запил водой из-под крана.

Поднялся в кабинет и сел в кресло.

Покрутил в пальцах карандаш.

В голове было пусто.

Ясно было, что Юлька не придет. Что ее вообще не было. И дерева не было.

Может, и рукописи не было? — испугался Виктор. Открыл стол. Тетради были на месте. И одна, и вторая. Он облегченно вздохнул. Прочитал появившееся на экране сообщение о новой почте. Открыл. Пробежал глазами.

— Берете, значит? — пробормотал он. — Уже? Понравилось. Будем, значит, печатать?

Прислушался к себе. Ничего не почувствовал. Опустил крышку. Закрыл глаза.

Представил Юльку. Как она сидит и смотрит на него, не мигая и чуть шевеля сплетенными под подбородком пальцами. Раздался какой-то звук, и Виктор резко открыл глаза. Напротив него, на кровати, лежала Юлька-Вика.

Виктор опасно покосился в сторону окна.

Дерева, страшного, с корявыми ветками-хваталками, там не было.

Никакой особой радости он не ощутил.

Еще раз глянул на Юльку — та заметила его взгляд и положила вытянутую ногу на край стола. Тонкие пальцы с блестящими ногтями, едва заметные вены, маленькая, торчащая вбок, косточка.

От головы побежала знакомая волна, Виктор подавил желание кинуться к этой умопомрачительной ноге и начать покрывать ее поцелуями, трясущимися руками схватил карандаш и принялся писать.

По фамилии Иванов

Нет, все-таки паспорт поменять ей было нужно. Мало ли, что у предыдущего мужа была такая же фамилия, как у него, Вадима, и менять было необязательно — какой смысл, если она была Ивановой и Ивановой осталась?

Но чем дальше, тем сильнее Иванов-новый становился похож на Иванова-старого. Просто закон подлости какой-то.

Или водевиль.

Один длинный нескончаемый водевиль.

Никогда раньше Иванов-новый не носил колец — он их терпеть не мог. Даже купленное ему на тридцать лет вскладчину родственниками страшно дорогое золотое кольцо не носил — ну неудобно ему было с кольцами и вообще со всякими браслетами и прочим, то натирали они ему, то просто отвлекали, он даже часов не носил.

А тут вдруг как прорвало — накопил колец, да еще серебряных (всегда до этого считал серебряные украшения дешевкой и безвкусицей; если уж носить, то только золото), на все пальцы, даже на мизинцы и большие; нашло вдруг на него, нахлынуло. А потом узнал, что кольца, и именно серебряные, носил Иванов-старый, бывший Лизин муж.

Он не придал этому значения — ну носил и носил, и хрен с ним, с Ивановым-старым и с его кольцами.

Потом вдруг обнаружил у себя интерес ко всяким народно-музыкальным программам вроде «Играй-гармонь». Никогда его ничего подобное не интересовало, более того, терпеть он такие вещи не мог, предпочитал исключительно арт-рок, всякие там «Джентл-Джайнет», «Йес», «Кэмел», в крайнем случае, ранний «Лед Зепеллин», а тут вдруг как пробило. И следом потянуло на песни советской эстрады семидесятых-восьмидесятых, всякие там «Земляне», «Самоцветы» и иже с ними.

Ну и конечно, выяснилось, что его предшественник любил «Играй гармонь», «Самоцветы», «Земляне» и прочие «верасы».

Иванов-новый попытался бросить — еще не хватало копировать музыкальные вкусы предшественника (да еще *такие* вкусы!), но не получилось — народная гармонь ему действительно нравилась, а от «Верасов» с «Самоцветами» приятно пахло бабушкиными пирогами, ее же сливовым вареньем, так и слышалось задним фоном дребезжание динамика стоящего на ее кухне радио.

«Стареем, — подумал Иванов, — становимся сентиментальными».

А Иванов-старый?..

Ну и черт с ним!

Это может быть просто совпадением.

В конце концов, он ни разу даже его и не видел — тот ушел от Лизы за год до Иванова-нового.

Но дальше — больше!

Иванов-новый перестал носить костюмы и перешел на околоспортивный стиль — Иванов старый всегда, в любое время года, ходил в спортивных болоньевых штанах, качковской майке (такая безразмерная, с разодранными, словно их выдрали с корнем, рукавами, футболка) и в мастерке. Последнюю в самую жару Иванов-старый снимал или просто закатывал рукава, а в мороз поддевал под нее свитер с высоким воротом.

Отличие состояло единственно в том, что Иванов-старый одевался на рынке, а Иванов-новый только в брендовых магазинах — вкусы вкусами, но появляться в дешевом тряпье положение и должность не позволяли.

Потом Иванов-новый пересел с внедорожника на мотоцикл — у Иванова-старого была «Ява» (кстати, до сих пор стоявшая в подвале многоэтажки, где жила до того, как переехать к Иванову, Лиза).

Все это было еще ничего, все это было терпимо, все это доставляло, несмотря на аналогии, удовольствие, но когда однажды ночью после известного дела Лиза довольно сказала, что он совсем как Иванов-старый, Иванов-новый хоть и относился к подобным вещам спокойно — ну было и было, это ведь было до него, — конкретно забеспокоился.

Предложил Лизе все-таки поменять паспорт и таким образом завершить, так сказать, старую главу, поставить точку и начать главу новую, как говорится, с чистого листа, без всех этих призраков прошлого и скелетов в шкафу.

Она назвала его дураком и спросила, не считает же он, в самом деле, что превращается в ее бывшего мужа? Она вот, например, не считает. Если бы это было так, она бы заметила и сказала. Или просто бы от него ушла — не хватало ей тут Иванова-старого номер два, сколько она от него, мерзавца, натерпелась.

Пусть не говорит ерунды.

Он сказал, что ничего он не считает, но, как она видит, совпадения налицо, совпадения эти явно не случайны, и нужно что-то с этим совпадениями делать.

Она посоветовала ему пойти в баню и напиться и даже разрешила заказать проститутку.

А если не поможет, пойти к врачу, тот выпишет ему каких-нибудь таблеток от нервов.

Иванов отказался, но потом, когда однажды вдруг обнаружил, что перестал бриться и носит трехдневную щетину, действительно отправился в баню и напился (трех-, пяти- и бог знает сколько-дневную щетину носил Иванов-старый, и не потому, что ему нравилось и он соблюдал некий стиль, а потому что бриться каждый день ему было впадлу).

Проститутку заказывать не стал: хорошо понимал, какие это повлечет, несмотря на якобы разрешение, последствия.

— Я не хочу, чтобы ты стал таким же, как он! — воскликнула Лиза, когда утром после бани он пришел в себя. — Бросай это все. Я с тобой разведусь, ты понял?

— Не могу бросить! — сказал Иванов, чувствуя непреодолимую тягу похмелиться (он никогда не похмелялся, но точно знал, что так делал Иванов-старый). — Думаешь, я не хочу стать снова самим собой? Иди и меняй паспорт.

— А что я им скажу? Я была Ивановой и останусь Ивановой.

— Так и скажи. Мол, была Ивановой и теперь хочу стать Ивановой. Вот свидетельство о разводе, вот свидетельство о браке. Не поменять не имеете права.

— Не говори ерунды, — возмутилась Лиза. — И вообще, я люблю тебя, но не до такой степени, чтобы выставять себя душой.

— Я езжу на мотоцикле, — помрачнел он. — Ношу кроссовки. Слушаю «Лейся песня» и пью пиво. На меня смотрят косо все мои друзья, точнее, уже бывшие друзья. И кто из нас выставляет себя дураком?

— Может, это подсознание, Иванов? — озабочилась Лиза. — Ты меня разлюбил, ты подсознательно хочешь со мной развестись, но сам предложить это боишься и поэтому устроил тут весь этот маскарад. Признайся, Иванов! Тебе же лучше будет! Или хуже, если не признаешься!

Он честно прислушался к себе. Честно признался, что все еще любит ее и разводиться не собирается. А если бы и собирался, честно бы сказал, без всех этих маскарадов.

— Тогда зачем это все, Иванов?

Если бы он знал — зачем!

— Может, тебе к экстрасенсу? Или гадалке?

Он подумал, что скорее отправится к самому Иванову-старому, чем к экстрасенсу или гадалке.

— Сделай что-нибудь, Иванов, или, так и знай, хоть я тебя и люблю, но я с тобой разведусь! Ты же мужчина! Иванов-старый был тряпкой, но ты же не такой! Поэтому я за тебя и вышла!

Он пообещал, что сделает.

Через неделю без всякого видимого повода набил морду соседу — при том, что дрался последний раз в третьем классе, а еще через неделю выиграл приятельский турнир в боулинг, хотя играл второй раз в жизни (нужно ли говорить, что Иванов-старый ...).

После этого Лиза поменяла паспорт. Только стала не Иванова, а Бессонова-Шмидт — решила на всякий случай перестраховаться.

А Иванов так и остался Ивановым.

Через полгода они развелись.

Он сменил работу, стал слесарем-монтажником. Отремонтировал «Яву» и пересел на нее, перешел с брендовой одежды на «чистый Китай», организовал домашнюю пивоварню и сделался чемпионом города по боулингу среди любителей.

А потом уехал за границу и пропал.

Лиза Бессонова-Шмидт снова вышла замуж, за человека с редкой фамилией Чигарь. Решила не рисковать и сменила фамилию на Бессонова-Шмидт-Чигарь.

А когда по прошествии полугода ее третий муж вместо подаренного ею «ауди» однажды приехал домой на мотоцикле, молча подала на развод.

Прозрачная жизнь

Виктор скинул ботинки, ногой загнал их под тумбу.

Прошел в кухню, начал разбирать пакет.

Вспомнил, что стоять надо у окна — так его лучше видно (и вечно он об этом забывает!), — переместился к подоконнику.

Посмотрел на холодильник, подумал, что надо бы его все-таки развернуть, градусов на тридцать влево. Ну и что, что неровно, ну и что, что ходить будет неудобно, зато лучше видно будет то, что внутри.

Он закончил с пакетом, начал было расстегивать пуговицы рубашки, потом решил, что лучше сделает это не здесь, и отправился в ванную.

Там он снял рубашку, помедлил, снял штаны и, оставшись в трусах (снимать их было еще рано), включил воду.

Долго мылся, стараясь не забывать держать нужную позу — ноги расставлены, правый бок параллельно правой стене, и не забывать подтягивать трусы, как будто они спадают, и не забывать задирать время от времени на борт ванной ногу так, чтобы было как бы видно, но не до конца, и изо всех сил сдерживал желание почесаться — не время сейчас было чесаться, и не место.

В кухне нужно было чесаться, там контингент зрителей другой.

«Здесь чесаться нельзя, нельзя здесь чесаться...» — стал твердить про себя он и не заметил, как оказался в туалете. Здесь чесаться тоже было нельзя, здесь вообще ничего такого, к чему он привык, делать было нельзя. Только то, зачем туалет, собственно, и предназначен.

«Помнить о контингенте», — напоминал себе он. Помнить о рейтингах, помнить о проклятых бесплатных в школе у дочери обедах, к которым ее допустили после того, как он поставил камеру в кухне; помнить о проклятых бесплатных занятиях сына, к которым тот был допущен после того, как Виктор поставил камеру в ванной.

О налоговых льготах, которые появились после того, как он установил камеры

в зале. О возможности голосовать ему и его жене после того, как он поставил камеры в спальню.

В туалете нужно делать только то, ради чего в туалет ходят. Это раньше, когда камер не было, в нем можно было делать всё что угодно, сейчас — только то, что от него ждут.

Неправильно, или так, что ни черта на экранах не будет видно — получи минус. Неправильно встал или, не дай бог, случайно закрыл глазок камеры — минус. Неудачно повернулся или, боже упаси, упал — минус.

Не положено в туалете падать.

Показывай нам то, что увидеть мы хотим, и то, ради чего мы к камере твоего туалета подключились. Иначе не видать тебе ни бесплатных для дочери обедов, ни репетитора для сына — тоже бесплатного, но, тем не менее, самого лучшего. И никаких тебе льгот, если в спальне ты вздумаешь заниматься не тем, чем в спальне заниматься принято, или, не дай бог, заниматься этим под одеялом.

Виктор устроился на унитазе, закатил глаза, изображая удовольствие и представляя стремительно растущее число «лайков». Подумал и сделал еще кое-что — такое, отчего число «лайков» стало расти быстрее (он точно знал, что быстрее, он уже проверял).

«Проклятые наблюдатели», — сказал про себя он, не забывая нужным образом гримасничать. Общество, мать его, без секретов и тайн, прозрачное, всеми и каждым насквозь просматриваемое, где ничего ни от кого невозможно скрыть; общество с невозможно низким уровнем неприемлемых для здоровой нации действий, совсем без преступности — последняя кража в нашем замечательно прозрачном обществе случилась шесть лет назад, а когда убийство или теракт — уже никто и не помнит.

«Открой нам себя, — пропел он про себя известный всем лозунг, — и мы дадим тебе всё!»

Посидел ещё какое-то время, готовясь к самому сложному, к тому, к чему он никак не может привыкнуть, но что сделать было совершенно необходимо, иначе всё уже сделанное будет, получается, сделано зря.

И он встал, повернулся и принялся это сложное делать, представляя, что видит сейчас на экранах. Ему казалось, что он даже слышит шелест стремительно растущей цифры просмотров, щелчки «лайков» и довольные причмокивания. Внутренне весь сжался и принялся повторять про себя: это бесплатный репетитор, бесплатный репетитор, может, даже два репетитора. Или один репетитор и еще бесплатный летний лагерь — и не такой, какой обычно положен ему как примерному, открытому со всех сторон гражданину, а лагерь привилегированный, для самых-самых, для тех, кто достиг и преодолел, для тех, кто, так сказать, открыт целиком и полностью, открыт больше, чем другие.

А может сделать так, как сделал на прошлой неделе его коллега Вадим Петрович?

Виктор представил, как он это делает, внутренне содрогнулся и весь покрылся мурашками.

Не смогу, понял он. К тому же Вадим Петрович был вынужден это сделать, сложнейшая предстояла его теще операция, ради которой...

Он оборвал себя — думать сейчас об этом было ни к чему.

Закончил, вышел на кухню, оделся, вышел на балкон.

Огляделся.

Вспомнил, что сделал здесь неделю назад, спросил себя: слабо повторить? Почесал ушибленный и так до конца не заживший бок. Потрогал ногой скользкий пол. Признался: слабо.

И потопал в спальню.

Там уже на кровати сидела жена. Судя по растрепанным волосам, красным на коже пятнам, судя по уже привычно огромной цифре «лайков» в углу экрана ноутбука — напротив камер их спальни, — ясно было, чем она тут только что занималась, и ясно было также, чем она сейчас заниматься его заставит.

— Бесплатный проезд! — прохрипела она ему в ухо, утягивая за собой.

— У нас он и так бесплатный, — пытаюсь ослабить ее хватку, просипел он, не забывая, впрочем, контролировать положение своего и ее тел.

— Еще хочу! — застонала жена. — Чтобы совсем бесплатный. Чтобы везде бесплатный. По стране хочу бесплатный, за границу хочу бесплатный.

— Ты же знаешь... — начал было Виктор, и тут она начала его пилить. Тихо, яростно, в самое ухо, не отрываясь при этом от процесса. Начала говорить опять о том, что так больше не может, и что у Артёма Андреича и Леонида Леонидовича есть всё, а у них нет ничего. То есть у них, конечно, тоже кое-что есть, но по сравнению с тем, что есть у тех двоих, можно сказать, что ничего. А она хочет, чтобы по полной, хочет, чтобы навсегда, хочет, чтобы и у детей их было по полной и навсегда, и у внуков. И ради этого нужно сделать такую малость, но Виктор делать эту малость не хочет; не хочет, видимо, потому что свою семью не любит.

Видел он, сколько «лайков» каждый день набирает Артём Андреич? А Леонид Леонидович? Да им с Виктором ни в жизнь столько не набрать.

Виктор хотел было напомнить, на что Леониду Леонидовичу и Артёму Андреичу пришлось ради этого пойти, сказать, что лично он на такое пойти не может, но говорить этого не стал, потому что знал, что она на это скажет.

Он принялся изображать на лице страсть, поглядывая на экран — цифра стала уже чудовищно огромной — и слушать то, что она ему шепчет.

Потом они выбрались из спальни. На кухне уже копошился младший Андрей, в ванной плескалась старшая Светка. Она громко пела.

Жена посмотрела на висящий в коридоре экран с цифрой «лайков» и принялась Светке подпевать — радостно и благодарно. Виктор тоже посмотрела на экран и пробормотал:

— О, господи!

— А было бы на два нуля больше! — пропела жена.

— Даже на три, — сообщил Андрей. И принялся рассказывать, как был сегодня в гостях у Артёма Андреича — он дружил с его сыном Вадимом, — что они там делали и какая цифра была у них.

Виктор слушал и кивал, изображая на лице внимание.

— И это уже в середине дня! — закончил Андрей. Бросил на отца быстрый взгляд и презрительно поцокал зубом.

— Они — могут! — сказал он, вроде как ни к кому не обращаясь.

Вышла Светка и на ходу бросила.

— Они могут, а мы — нет.

И тоже посмотрела на отца.

— Да, Артём Андреич — мужик! — хмыкнула жена. — Не то что некоторые...

И тут Виктор не выдержал.

Рванул к выходу, на ходу застегивая рубашку. Споткнулся о стул, упал, тут же вскочил — цифра «лайков» сразу выросла вдвое, — натянул ботинки, куртку, открыл дверь и вывалился на площадку.

Миллионы просмотров им подавай — он помчался по ступенькам вниз.

«Лайков» на три порядка больше, чем было.

Бесплатный пожизненный проезд — везде, даже за границей.

Элитное жилье. Бесплатное, в пожизненное пользование.

Особый статус им. Статус и всеобщее уважение.

Бесплатное образование для детей и внуков гражданина с особым статусом.

Он ударился грудью о подъездную дверь, выбежал на улицу.

Воздел руки к небу и, чувствуя, как на лице против его воли появляется гримаса отчаяния, завопил:

— Не хочу! За что?!

Тут же понял, что ничего такого не кричал, что на лице его, оказывается, не

grimаса отчаяния, а выражение радости и счастья — почти настоящее, почти всамделишное, опустил руки и поплелся по тротуару.

«Выучили», — мрачно думал он, разглядывая цифру просмотров на экране смарт-часов. Выдрессировали. Сволочи. Надо же. Я даже возмутиться уже не могу. Разучился я возмущаться. Тело разучилось. Потеряло рефлекс — если вообще такой рефлекс существовал. Зато приобрело новый, весьма, как оказывается, полезный — цифра на экранчике уже не помещалась в строку, рядом с ней появился добавочный коэффициент.

«Может, вы хотите посмотреть, как я сделаю то, что собираюсь сделать?» — подумал Виктор. Представил, как добавочный коэффициент сменяется степенью квадрат, потом куб. Как число растёт.

— Виктор тоже мужик, — хмыкнул он и перевел часы в нужный режим — уличные камеры нацелились на него.

У здания Администрации, у входа в крыло ИЭТ (индивидуальных электронных технологий) он остановился.

Сказал себе: «Может, и ничего страшного? Живут же с этим и Артём Андреич, и Леонид Леонидович. Значит и я смогу.

Или нет?

Думал, что не смогу поставить камеру в зале, — смог.

В кухне — легко.

На балконе — ещё легче.

В спальне и ванной — даже стало нравиться.

В туалете — долго решался, но оно того стоило.

Как-никак бесплатные занятия и репетиторы. Бесплатный проезд по городу.

Ну и гражданин я, в конце концов, или нет? За прозрачную я и безопасную жизнь или за тех, кто прячется по темным углам? За тех, кому есть, что скрывать?»

Он посмотрел в небо: по ярко-синему полотну плыли белые обрывки облаков.

— Мне скрывать нечего! — сказал он, толкнул дверь и вошел.

Когда он вышел, уже смеркалось.

Все необходимые документы были оформлены, сама операция прошла быстро и безболезненно.

«Действительно, ничего страшного» — думал Виктор. — Подумаешь, на одну камеру стало больше. Маленькую, почти незаметную.

Ну и что, что в таком месте.

Привыкну.

— Нам, — вслух, стараясь, чтобы голос звучал бодро и уверенно, сказал он, — скрывать нечего!

Прислушался к себе, никакой уверенности не почувствовал.

Завел руку назад, почесал то самое место, внутри которого эта камера была установлена и, в самом прямом смысле нутром чувствуя растущую цифру «лайков», неторопливо — нужно было привыкнуть к новому ощущению, ощущению полной и абсолютной открытости, ощущению полноценного гражданина и человека, ощущению того, что он теперь «настоящий мужик», — зашагал в сторону дома.